

- ⁹ Заметки М. А. Волошин «Федор Сологуб». URL: www.fsologub.ru/about/articles/articles_254.html (дата обращения: 12.11.2014).
- ¹⁰ Чудаков А. Предметный мир литературы (к проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения / под ред. М. Б. Храпченко [и др.]. М., 1986. С. 252.
- ¹¹ Там же. С. 251.
- ¹² Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи. М., 2007. С. 195, 415.
- ¹³ См.: Павлова М. Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны. С. 354.
- ¹⁴ Красовский В. Проблемы натурализма в русской литературе и творчество П. Д. Боборыкина // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX веков / под ред. А. Соколова. М., 1986. С. 78, 81.
- ¹⁵ См.: Скафтымов А. Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 299, 300.
- ¹⁶ Соловьев С. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского : Очерки. М., 1979. С. 204.
- ¹⁷ См.: Степанова Е. Колористическое искусство прозы Достоевского 1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. С. 7.
- ¹⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979. С. 252.
- ¹⁹ Сологуб Ф. Человек человеку – дьявол. URL: <http://www.fsologub.ru/text/chelovek-cheloveku-diavol.html> (дата обращения: 10.11.2014).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Измайлов А. У Ф. К. Сологуба (Интервью) // Сологуб Ф. Творимая легенда : в 2 кн. Кн. 2. М., 1991. С. 232.
- ²² Карасев Л. О символах Достоевского // Вопр. филологии. 1994. № 10. С. 90.
- ²³ Ср.: Клейман Л. Ранняя проза Федора Сологуба. Анн Арбор, 1983. С. 78–82.
- ²⁴ Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1972–1990. Т. 6. С. 47.
- ²⁵ О символике мака см.: Ханзен-Леве Аге А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 603 ; Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988. Т. 2. С. 90.
- ²⁶ По утверждению А. Белого, крест – знак четвертой стадии посвящения. См.: Белый А. О религиозных переживаниях / публ. А. В. Лаврова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 7.
- ²⁷ См.: Патюс. Генезис и развитие масонских символов : пер. с фр. М., 2006. С. 95. (Сер. Тайные ордена и организации).
- ²⁸ Согласно А. Белому, эти цвета маркируют пятую стадию. См.: Белый А. Указ. соч. С. 8.
- ²⁹ Толстой Л. Собр. соч. : в 12 т. Т. 7. М., 1984. С. 94.
- ³⁰ См.: Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1. С. 133, 134.
- ³¹ Бочаров С. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 207.
- ³² См.: Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. С. 133. О семантике розы также см. : Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. С. 386. В лирике Сологуба роза – примета идеального «земного» существования, то, что придает жизни ее подлинный смысл («Нет, не одно только горе...», 1895).
- ³³ О мотиве рая как слагаемом сологубовской концепции Эроса см.: Gozdek A. Topika mityczna. Figury miejsca w twórczości Fiodora Sologuba. Lublin, 2006. S. 68 etc.
- ³⁴ Согласно А. Белому, этот цвет маркирует 6-ю стадию пути. См.: Белый А. Указ. соч. С. 8.
- ³⁵ Об образе Афродиты в творчестве Сологуба см.: Gozdek A. Афродита – олицетворение созидательной силы любви : стихотворение Федора Сологуб «Не иссякли творческие силы» // Русская литература. 2013. № 4. С. 90–95.
- ³⁶ Павлова М. Писатель-Инспектор... С. 124.
- ³⁷ Цит. по: Клейман Л. Указ. соч. С. 18.
- ³⁸ См.: Павлова М. Писатель-Инспектор... С. 125. О концепции Эроса у Сологуба также см. : Цимборска-Лебода М. «Только я и только ты...» : Эротический миф в поэзии Федора Сологуба // Русская литература. 2013. № 4. С. 63–74.
- ³⁹ Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи. С. 415.
- ⁴⁰ См.: Мокина Н. Мотив одежды в романе А. Белого «Петербург» // Изучение литературы в вузе : сб. ст. Вып. 7. Саратов, 2012. С. 49–57.

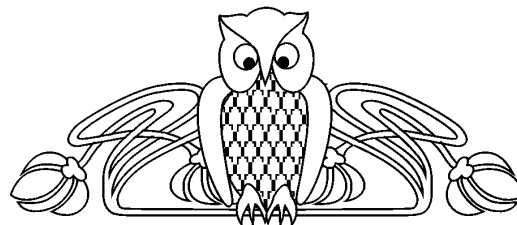
УДК 821.511.131.09–1+929Кузубай Герд

РОЖДЕННЫЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: О ТРАГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КУЗУБАЯ ГЕРДА

А. В. Камитова

Удмуртский институт истории, языка и литература УрО РАН,
Ижевск
E-mail: akamitova@mail.ru

В статье предпринимается попытка осмыслить творчество Кузубая Герда, формировавшееся в конце XIX – начале XX в. События

порубежного периода наложили отпечаток и на художественное сознание удмуртского поэта. Болезненно воспринятые исторические катаклизмы воплотились в его творчестве трагическим мироощущением.

Ключевые слова: удмуртская литература, эпоха, трагическое сознание, мироощущение.

Born at the Turn of the Centuries: On the Tragic Consciousness in the Works of Kuzebay Gerd

A. V. Kamitova

The article analyses Kuzebay Gerd's creative work that had been developing at the turn of the centuries. The events of this period impacted the artistic consciousness of the Udmurt poet. Painfully perceived historic disasters are reflected in the tragic world-view of his works.

Key words: Udmurt literature, epoch, tragic consciousness, perception of the world.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-89-94

Многие исследователи придерживаются представления о циклическом характере развития истории. Само слово «цикл» подразумевает периодическую повторяемость явлений и отождествляется с кругом¹, со спиралью, волнообразными колебаниями. Происходящие во Вселенной процессы подобного характера вызваны чередованием так называемых «стабильных» и «нестабильных» (или переходных) эпох. Последовательность эпох проявляется во всех сферах жизни общества, в том числе и таком виде искусства, как художественная литература.

Литературный процесс как закономерно развивающееся культурно-историческое явление также делится на определенные этапы, циклы и периоды. Переходные этапы развития литературы в гуманитарной науке, как правило, связывают с рубежами веков. В гуманитарном тезаурусе слово «рубеж» используется в значении «граница, предел, переход» по отношению к временным рамкам и согласуется с понятиями «рубеж эпох», «рубеж веков». Смена эпох как составляющая исторического процесса предполагает переход от одной эпохи к другой. Конец XIX – начало XX в. также связано с понятием рубежа². Считается, что «конец XIX – начало XX века – особый, переломный период в истории общественной и художественной жизни России»³. «Рубеж XIX–XX вв. и первая треть XX века в России, да и не только в России – это эпоха кризиса и попыток его преодоления», – замечает Д. Д. Николаев⁴.

Переходные эпохи занимают особое место в литературе. Им свойственны сложные закономерности развития. В литературе конца XIX – начала XX в. наблюдается ускоренное развитие словесности, в творчестве писателей прослеживается стремление к художественному синтезу, к экспериментальному отношению к слову. В порубежные периоды «активизируется поиск новых средств, нащупывание новых путей развития искусства»⁵.

В конце XIX – начале XX в. удмуртская литература переживает период интенсивного развития, но вместе с тем не минует и культурного перелома. Движение удмуртской словесности по такому пути означало ее слияние в единый поток с культурой других народов. Посредником между национальной и мировой культурами в этом про-

цессе явилась русская традиция. В таком единении национальные писатели «шагали в ногу со временем», испытывая на себе все противоречия времени.

«Есть какая-то роковая общность в судьбах писателей, которым история отвела место на рубеже культурных эпох», – отмечает В. Чулков⁶. В удмуртской литературе этого периода такой фигурой, безусловно, стал Кузубай Герд⁷. Так как он был писателем порубежной эпохи, в его творчестве естественным образом воплотилось влияние противоречий времени. Это обстоятельство открывает новые грани для аналитического постижения гердовского мира.

Изначальный трагизм жизни Кузубая Герда был предопределен. Об этом свидетельствуют реальные факты из жизни поэта. Например, имеются разногласия по поводу даты рождения поэта⁸: 1897 год⁹ и 1898 год. Официальной принято считать вторую датировку. Н. А. Герд, супруга поэта, вспоминает: «Герд родился во время сенокоса, в июне месяце, а крестить его отец повез уже по снегу глубокой осенью в село Вавож» да «из саней вытряхнул ребенка, а назад не оглядывался. Когда остановился, увидел... ни кеки¹⁰, ни ребенка. Пустился обратно и, к счастью, ребенок лежал на дороге цел и невредим»¹¹. Испытанная в детстве психическая травма лишь обострила трагическое восприятие несовершенства мира¹²: «*Быдэс дуньейн Мон огнам: Атае но эвол, Мумие – но эвол...*»¹³ «На целом свете Я один: Ни отца нет, Ни матери нет¹⁴,» – напишет он в своем первом сборнике стихотворений «Крезчи» («Гусляр») ¹⁵.

Новая культурно-историческая эпоха, отличавшаяся динамичностью, многоплановостью своего развития, была в то же время трагична. Условия жизни Кузубая Герда, оказавшегося на перепутьях времени, способствовали развитию разностороннего потенциала. Деятельность поэта выпала на время социально-экономических преобразований в стране, в которой особую роль играли разные рода новшества: научные, культурные, технические и пр. «Пестрота литературной жизни, многообразие форм творчества, противоречивость литературных исканий и острота идеологической борьбы – вот первое, что бросается в глаза при знакомстве с искусством конца XIX – начала XX века», – отмечает литературовед Л. К. Долгополов¹⁶. По мнению А. Г. Соколова, отличительной чертой рубежа веков «стала попытка “синтеза” искусств»¹⁷. Творческая работа удмуртского писателя шла в унисон с эпохой. Многообразные дарования К. Герда выводили его к работе в самых разных областях. Еще в школьные годы у будущего писателя проявляется интерес к собирательской работе народной словесности. В дальнейшем школьное увлечение Герда развернется в научно-исследовательскую работу в синтезе с другими видами деятельности: с музейной работой, с санитарно-этнографическими и этнолого-лингвистическими поездками. Рубеж XIX–XX вв. «был

необычайно счастливым временем в развитии отечественной фольклористики. Одно за другим свершаются экспедиционные открытия¹⁸. Проводимые в 1920-е гг. К. Гердом экспедиции¹⁹ с целью этнографического, антропологического, санитарного изучения удмуртов позволили ему многогранно оценить состояние удмуртской деревни в ее прошлом и настоящем²⁰.

Кузубай Герд был одним из ярких деятелей удмуртской культуры, утверждавших новые подходы к народному творчеству. При работе в подобных поездках он прибегал к помощи специальных для своего времени технических новшеств: фотоаппарата и фонографа. В качестве дополнительных, но необходимых средств им также применялись акварельные и масляные краски, карандаши, рулетка²¹. Визуальный материал (фотографии, рисунки, зарисовки и чертежи) существенно дополнял и обогащал фольклорно-этнографическую лабораторию Кузубая Герда. Синтез ряда методов – текстовых записей, аудиофиксации, фотофиксации – стал одним из новаторских вех в работе полевых экспедиций Герда.

Фигура К. Герда гармонично влилась в русло своего времени, требовавшего активности творческой личности. «Писатель переставал быть явлением только литературной жизни эпохи, он оказывался столь же показательным фактором общественного движения. Он открыто принимал в нем участие, сфера его контактов с читателем колоссально расширилась; от него, от его активности или бездействия, зависели теперь в какой-то степени ход и характер событий», – отмечает Л. К. Долгополов о роли писателя порубежной эпохи²². Размышления литературоведа находят подтверждение в высказываниях и самого Герда. «...Каждый национальный <...> работник <...>, одновременно является и научным работником, и писателем, и переводчиком, а порой и актером. Все эти работники в данный момент не могут не работать во всех этих областях, т. к. это имеет громадное значение для культуры наших народностей», – пишет он в своих отчетах в 1926 г.²³

Первая треть XX в. отличилась социально-политическими реформами: прошли Первая мировая война, Февральская революция, Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война (1914–1920 гг.), волна репрессий (1920–1937 гг.). Пережитые Кузубаем Гердом в течение своей жизни катаклизмы времени наложили отпечаток и на его художественное сознание, выразились в кризисном мироощущении поэта.

Уже в раннем творчестве²⁴ звучат характерные для его поэзии мотивы: одиночество, тревога, непонимание окружающих: *Кйт ку ректэ, / Сюлэм сэрегтэ* ‘На душе тревожно, на сердце беспокойно’²⁵; *Кошкысал мон татысь, кытчы ке но отчы кошкысал, / Кошкысал но, уг тодкы кытчы кошкыны* ‘Ушёл бы я отсюда, куда-нибудь туда ушёл, / Ушёл бы, но не знаю куда идти’²⁶. *Лирический герой* в ранних произведе-

ниях Кузубая Герда испытывает эмоциональный срыв: *Огнам ветлӧ телетӧ, / Огнам кырӧай возь вылтӧ, / Бӧрдса ветлӧ бусыетӧ <...> / Бӧрдса, синьмы гордэктӧз, / Тыпак квареа бырыз...* ‘Один ходил по лесу, / Один пел по лугам, / Рыдая, ходил по полям <...> / От слез, глаза покраснели, / Со всем остался без голоса’²⁷.

Трагизм мироощущения Герда выразился в его поэзии противостоянием лирического субъекта социальным конфликтам времени. *Чылкак огнам тыршыса, / Удмурт ‘ёсыз сайкатса – / Жади ини мон!* ‘Совершенно один стараясь, / Удмуртов разбудить – / Устал уже я!’²⁸ – заявляет герой от безысходности. Кульминационным проявлением позиции лирического героя становится мотив самопожертвования: *Чок! Мед куло эсь-маса / Удмурт ‘ёслэсь иземзэс адьытозь! / Мон жади ини весь соосыз сайкатса <...>* ‘Пусть! Пусть лучше умру, / Чем видеть, как спят удмурты! / Я устал уже постоянно их будить’²⁹. Смерть осознается героем как спасение от полного безразличия окружающих, равнодушия, одиночества и отчаяния. Переживаемые лирическим субъектом эмоции перерастают в крик, претворяются в песню (*Чылкак огнам кырӧасько, / Огнам мон кесяськисько* ‘Совершенно один пою, Один я кричу’³⁰), переходят в глубокое раздумье (*Огнам пукко / Малтаськисько* ‘Один сижу / Думаю/размышляю’³¹) или оборачиваются плачем (*Шымырськем сюлмам / Пӧсь синькылие гынэ / Тулкым ‘яськыса, люкаське...* ‘В моем сжавшемся сердце / Только горячая слеза / Волнуюсь, накапливается’³²).

В раннем творчестве Кузубая Герда заметна противоречивость испытываемых чувств, колебание настроения: *Уг поты мынам калыклы ужатэк <...> / Вазь пересьмеме!* ‘Не хочется мне, не работая для людей <...> / Рано постареть’³³, *Шая бӧрдод, ку ректот – <...> / Шая весь сюлмаськылот* ‘К чему напрасно плакать, печалиться, – <...> / К чему напрасно волноваться’³⁴. Объяснить причину такой разноречивости эмоций можно характером самого поэта. «...Прежде всего скажу о своем характере, ибо мой характер чрезвычайно влиял на работу и взаимоотношения с моими товарищами по группе. Я человек неуравновешенный, экспансивный, порывистый. Скрывать что-либо в секрете я долго не могу. Я доверяюсь людям. Я врать не умею. <...> Я ругаю себя, готов убить себя за доверчивость, но вытекающие из этой оплошности последствия переношу чрезвычайно терпеливо», – так определил свой нрав Кузубай Герд³⁵.

Атмосфера тревог, надежд и предчувствий эпохальных событий также отражена в раннем творчестве Кузубая Герда. В ситуации ожидаемых перемен лирический герой предвещает: *Туж / Шурдыт, кышкыт / Чуказе цукна лублос – / Вир кичкыса, муз ‘ем гордэктот* ‘Очень / Страшно, опасно / Завтра утром будет – / От пролитой крови земля станет красной’. Революция, положившая начало новой эпохе, сформировала

смешанные чувства в лирическом герое: *Та дыбыртһсь заводэ / Мон пырьско <...> / Мынам удмурт сюлэмы / Туж дырекъя, / Кышкаса, огназ гадьын / Куалекъя. / Татчы пырыса быро / Кадь мон потко* 'В этот грохочущий завод / Я вхожу <...> / Мое сердце удмурта / Очень дрожит, / Боюсь, одно в груди / Дрожит. / Войдя сюда, погибну / Мне кажется'³⁶.

Трагическая тональность гердовских стихотворений усугубляется размышлениями лирического героя о смерти. Он интуитивно чувствует близость рокового исхода: *Туж пиналысен, иньмысь усем кизили сеен, / Мон куһ ке <...>; / Соку монэ бадһым городэ эн ватэ <...> / Ой, ватэ монэ туж лъулытэсь вырһыл'ёсы...* 'Если я умру / Со всем юным, как упавшая звезда <...>, / Тогда меня не хороните в большом городе <...> / Похороните меня на высоких холмах'³⁷. За трагедией проходящей молодости, за горьким осознанием необратимости времени (*Кытчы луиз, кытчы кошкыз / Шулдыр пинал даурь: <...> / Пересьмонлэсь лыктэмзэ мон / Чик эй тоды, эй шеды* 'Куда подевались, куда ушли / Веселые молодые годы мои: <...> / Приближение старости я / Совсем не понял, не почувствовал') в сознании лирического героя присутствует страх смерти (*Йе кадь, кезьыт киосыныз / Монэ юн со һыгыртһз, / Кышкано кадь, синёсыныз / Сюлэмме со кышкатһз* 'Ледяными, своими холодными руками / Меня она крепко обняла, / Жуткими глазами / Она напугала мою душу'³⁸).

С 20-х гг. XX в. начинается «жесткий контроль за искусством слова со стороны официальной партийной литературной критики»³⁹. Подобная «литературная забота» возникала вокруг многих писателей. Например, с помощью выбранной тактики органы власти добились исчезновения имени Анны Ахматовой из литературы с середины 1924 г. Идеологическое давление не обошло стороной и удмуртских писателей. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. возникает «критический бум» вокруг Кузубая Герда. С его именем авторы ряда статей⁴⁰ связали «контрреволюционное, буржуазно-националистическое начало в литературе»⁴¹. В результате этих событий была отложена публикация второго сборника его стихов «Лёгет'ёс» («Ступени») и вместо него издана третья книга «Сяськаяськись муз'ем» («Цветущая земля»). Возможно, выраженный во второй поэтической книге метафорический смысл происходящих политических процессов вызвал подобную реакцию со стороны критики. Позднее в следственных показаниях Кузубай Герд будет анализировать свое творчество периода конца 20-х следующим образом: «От всех стихов 1923–1930 гг., которые казались мне упадническими, националистическими, я избавился – сжег их. Все, что я пишу – это значит (по словам критики) контрреволюция, маневр, буржуазный национализм и т. д. А почему это же самое не может быть результатом перелома автора? Перелом есть. Сборник “Лё-

гет'ёс” как раз показывает этот перелом. Но так никто ни разу вопрос не ставил»⁴². Заметно, что трагическая тональность текстов данного издания приглушена мировоззренческим бунтом и обличением старого мира. Во второй поэтической книге Кузубая Герда лирический герой, кажется, не стеснен тревожными раздумьями, он уверенно заявляет миру: *Мон – удмурт. Мон – туж шудо!* 'Я – удмурт. Я – очень счастлив!⁴³ За революцией, как и ожидалось, пришло крушение старой жизни (*Ськд убир кадь, / вуж улон / берын / сьлэ* 'Словно кровопийца, / старая жизнь / позади / стоит'⁴⁴) и зарождение нового мира: *Виль улон-вылон кылдһз* 'Новая жизнь зародилась'⁴⁵. В строках высвечивается пророческий дар поэта. Будущее, связанное с революционными событиями, предстает в поэзии К. Герда в хроматическом восприятии, передающее напряженную эмоциональную тональность и трагизм предстоящего:

Капчи	Не
квкл	легка
Азьлань	Впереди
сюрес	дорога
Куддыр	Иногда
со туж	она очень
секыт:	трудна:
Луоз дыр	Будет, наверно,
куазь	погода
Тылэсь,	Огненная,
Виресь,	Кровавая,
Тклперись,	Вьюжная,
Йкэсь,	С градом,
Зоресь	Дождливая,
кы.	я.
ты	га
мыш	ша
ва	Вперёд ⁴⁷ .
Азьлань ⁴⁶ .	

Эпоху революционных событий Кузубай Герд определил как «вихревые годы»⁴⁸. Восторженное заявление лирического героя: *Горд Октябрь монэ лутһз* 'Красный Октябрь меня поднял'⁴⁹ сменится чувством неудовлетворенности. Сам К. Герд в одном из протоколов допроса свидетельствовал: «В июле 1920 года на конференции коммунистов-удмуртов я испытал первое серьезное разочарование в своей надежде – революции, призванной возродить удмуртов»⁵⁰. Писатель находился в состоянии отчаяния, близкого к депрессии, влекущей за собой приступы плохого настроения. Это пограничное состояние, переживаемое Гердом, переносится в мир художественной реальности.

Нетрудно заметить, что третий сборник Кузубая Герда разительно отличается от предыдущих изданий по образности, интонации, проблематике. Это можно объяснить тем, что споры вокруг его творчества приобретали прогрессирующий характер, и, возможно, поэтому автору нужно было ото-

брать для сборника те стихи, которые бы вызвали наименьшее раздражение со стороны власти⁵¹. Все эти факторы могли оказать деструктивное влияние на психику поэта. «Трагедия разлада с самим собой у поэта началась еще в 1926 году», – замечает Н. Кузнецов⁵². С этого периода состояние апатии и тоски становится спутником жизни писателя, а творчество Герда связывается с преодолением меланхолии, с попытками вернуть ощущение полноты бытия посредством творческой деятельности. Обращение к поэтическому творчеству, кажется, компенсирует «болезненное» состояние писателя, но «меланхолия» остается проявленной в эмоциональном фоне его стихотворений. Прямо или косвенно Герд все чаще напоминает об этом недуге. В особенно тяжелые периоды он ощущает себя на грани смерти, что также отражается в его письмах и воспоминаниях. «Критика и нападки приводили меня в состояние возбуждения и страшным упадническим настроениям, вплоть до мыслей о самоубийстве. <...> Самолюбие, эгоизм, желание не быть обычным смертным, идти впереди других – это было ведущим началом во всей моей жизни до сих пор», – размышлял Герд в 1920-е гг.⁵³

Таким образом, рубеж веков, на котором оказался Кузубай Герд, обернулся трагедией для всего его творчества и жизни. Болезненно воспринятые исторические события воплотились в его творчестве трагическим мироощущением. Трагизм в поэзии Кузубая Герда, обусловленный объективными культурно-историческими обстоятельствами, усугубился личной драмой, связанной с особенностями личного и национального психотипа.

Примечания

- 1 Слово «цикл» (с греч. *kyklos*) обозначает колесо, круг, кругооборот (Словарь иностранных слов. М., 1949. С. 722).
- 2 В русской литературе конец XIX – начало XX в. принято называть Серебряным веком.
- 3 Соколов А. История русской литературы конца XIX – начала XX века : учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 5.
- 4 Николаев Д. Литература как пропаганда // История русской литературы XX века. В поисках новой идеологии : социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О. А. Казнина. М., 2010. С. 494.
- 5 Бакшеева М. Отражение в современном искусстве особенностей переходного периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2010. № 1 (5). С. 31.
- 6 Чулков В. «Свободы сеятель пустынный...» // Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. Ижевск, 1998. С. 28.
- 7 Кузубай Герд – литературный псевдоним Кузьмы Павловича Чайникова (1898–1937) – удмуртского поэта, прозаика, фольклориста, общественного деятеля.

- 8 Существуют разные данные и по поводу трагической смерти Кузубая Герда. Датой его смерти считают 1 ноября 1937 г. (по Н. С. Кузнецову), 2 ноября 1941 г. (по Ф. К. Ермакову). Официальной считается первая датировка.
- 9 См.: Ермаков Ф. Кузубай Герд : жизнь и творчество. Ижевск, 1996. С. 12.
- 10 Кеки (кккы) – зыбка, люлька (из луба).
- 11 Герд Н. Воспоминания // Как молния в ночи... С. 291.
- 12 Из биографии Кузубая Герда мы узнаем, что он остался без отца в семилетнем возрасте (См.: Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.) // Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Оп. 2-Н. Д. 923а. Л. 4). Маленький Кузьма стал надежным помощником матери. Во время учебы в Кукарской учительской семинарии пришла еще одна беда – ослепла мать будущего поэта, а немного позже она ушла из жизни.
- 13 Здесь и далее орфография автора строк сохранена.
- 14 Подстрочный перевод стихотворения сделан автором статьи.
- 15 Герд К. Крезьчи = Гусляр : сб. стихотворений на вотяцком языке. Первая книга. Ижевск, 1922. С. 7.
- 16 Долгополов Л. На рубеже веков : О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л., 1977. С. 6.
- 17 Соколов А. Г. Указ. соч. С. 11.
- 18 Иванова Т. Братья Соколовы и их сборник «Сказки и песни Белозерского края», или Зачем человеку конца XX века нужен традиционный фольклор // Соколов Б., Соколов Ю. Сказки и песни Белозерского края : сб. : в 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1. С. 7.
- 19 В 1925 г. была проведена этнографическая экспедиция с профессором Ю. М. Соколовым (См.: Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.). Л. 65), в 1927 г. – этнолого-лингвистическая экспедиция с профессором Д. В. Буррихом (Там же. Л. 20), в 1926 г. – экспедиция с антропологом Ленинградской академии наук СССР [Г]. И. Петровым (Там же. Л. 16). В 1928 г. К. Герд обращался в учебную часть Института народов Востока с просьбой участвовать в его экспедиции чертежнику Я. Ф. Кочеткову (Там же. Л. 61), а в 1929 г. с такой же просьбой он обращается «в Секцию этнологии и материальной культуры» (Там же. Л. 76).
- 20 Результаты экспедиции научного сотрудника Ленинградской академии наук СССР [Г]. И. Петрова и К. Герда были обобщены в докладе «Удмуртская деревня в ее прошлом и настоящем» (Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.) Л. 35).
- 21 Копии материалов из Архива АН СССР (Ф. 677. Оп. 3. Д. 25 ; Ф. 222. Оп. 3. Д. 69) хранятся в Рукописном фонде Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. В данной подшивке листы перепутаны (См.: Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.). Л. 61).
- 22 Долгополов Л. Указ. соч. С. 18.
- 23 Отчеты и документы К. Герда (Чайникова К. П.). Л. 29.
- 24 Последовательность издания сборников Кузубая Герда и вошедших в них стихотворений не вполне соответствует периодизации творчества поэта: первый

период – «раннее творчество» (1915–1921 гг.), второй период – «зрелое творчество» (1921–1926 гг.), третий период – «позднее творчество» (1924–1931 гг.). (См. подробнее: Камитова А. В. Образный мир Кузубая Герда : оригинал и переводческая интерпретация / авт. предисл. А. В. Камитова ; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2006. С. 8). В первый сборник «Крезьчи» («Гусляр»), вышедший в 1922 г., по наблюдениям Ф. К. Ермакова, вошли тексты, написанные в 1915–1921 гг. (См.: Герд К. Зарни кылчуръёсы : Кылбуръёс, поэмаос // Дасяз, азыкылзз гожтӥз но валэктонъёс сӥтӥз Ф. К. Ермаков. Ижевск, 1997). Второй сборник «Лӛгетъёс» («Ступени»), куда включены стихотворения, написанные в 1924–1931 гг., появился в 1931 г. Он вышел в свет позже третьего сборника «Сяскаяськись музьем» («Цветущая земля», 1927), составленного из стихотворений, созданных в 1921–1926 гг.

- 25 Герд К. Крезьчи. С. 7.
 26 Там же. С. 23.
 27 Там же. С. 47.
 28 Там же. С. 107.
 29 Там же. С. 108.
 30 Там же. С. 120.
 31 Там же. С. 93.
 32 Там же. С. 58.
 33 Там же. С. 43.
 34 Там же. С. 57.
 35 Цит. по: Кузнецов Н. Из мрака... Ижевск, 1994. С. 12.
 36 Герд К. Крезьчи. С. 179.
 37 Там же. С. 110–111.
 38 Там же. С. 91.
 39 Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 414. Одним из пропагандистов таких мероприятий был Л. Д. Троцкий. Его выступления в 1922–1924 гг. были направлены на создание «эпохи культурничества», главным двигателем

которой должна была стать интеллигенция: «На открытом культурном фронте государству в 1922-м нужны были <...> управленцы культурой и организаторы литературного процесса. Эти функции, по Троцкому, необходимо возложить на критику» (Корниенко Н. В. Крестьянский вопрос в литературно-критических полемиках «нэповской оттепели» // История русской литературы XX века. В поисках новой идеологии... С. 13).

- 40 См., например: Ильин Я., Данилов В., Жуйков С. [и др.]. «Гердовщиналэн» ымнырзэ шобырътыса вадеслы тупатскемезлы пумит : «Лӛгетъёс» книга сярсы // Удмурт коммуна. 1932. 8 янв. ; Тимашев [М.] ВУАРПлэн аяз сьлӥсь кӥна ке уж'ӛсыз: Тӛкшерон // Кенеш. 1929. № 6 (24). С. 28–32.
 41 Камитова А. Указ. соч. С. 6.
 42 Цит. по: Кузнецов Н. Указ. соч. С. 15–16.
 43 Герд К. Лӛгет'ӛс. 1922–1930. Кыктӛтӥ кылбуркнига = Ступени. Вторая книга стихов. 1922–1930 (на удмуртском яз.). Ижкар, 1931. С. 36.
 44 Там же. С. 198.
 45 Там же. С. 176.
 46 Там же. С. 168–169.
 47 Исползованная Кузубаем Гердом графическая «лесенка» требуют правильного прочтения данного стихотворения, а именно – прочтения последней строки снизу вверх.
 48 Герд К. Зарни кылчуръёсы... С. 179.
 49 Герд К. Сяскаяськись музь'ем. = Цветущая земля. Стихи. Третья книга (на вотском яз.). Казань, 1927. С. 5.
 50 Цит. по: Кузнецов Н. Указ. соч. С. 21.
 51 Как известно, время революционной и социальной ломки создало специфические условия для развития культуры: запрещались издания произведений отдельных писателей, подвергалась опасности их жизнь.
 52 Кузнецов Н. Указ. соч. С. 14.
 53 Там же. С. 13.

УДК 821.161.1.09–2+929[Ильф+Петров+Вольпин]

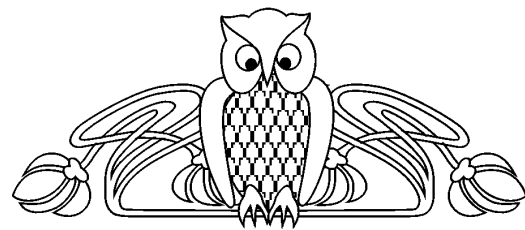
ИГРОВАЯ ПОЭТИКА ПЬЕСЫ И. ИЛЬФА, Е. ПЕТРОВА, М. ВОЛЬПИНА «ПОДХАЛИМКА»

М. А. Шеленок

Саратовский государственный университет
E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

В статье исследуется игровая поэтика пьесы И. Ильфа, Е. Петрова, М. Вольпина «Подхалимка» на уровне сюжета, образов персонажей, литературных реминисценций, языкового комизма. Выявляются функции игровой стратегии соавторов – достижение синтеза сатирических и водеvilных принципов и приемов организации текста. Раскрывается связь между «Подхалимкой» и романом И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

Ключевые слова: И. Ильф, Е. Петров, М. Вольпин, игровая поэтика, «театр в театре», литературная игра, языковая игра, сатира, сатирический образ, пародия, водеvil.

Poetics of Play in the Theatre Piece «Lickspittle»
by I. Ilf, E. Petrov, M. Volpin

M. A. Shelenok

The article researches the play poetics of the theatre piece «Lickspittle» by I. Ilf, E. Petrov, M. Volpin on the level of the plot, characters, literary reminiscences, language humor. Functions of the co-authors' play strategy are identified, such as achieving the synthesis of satire and vaudeville principles and the techniques of text structure. The link between «Lickspittle» and the novel by I. Ilf and E. Petrov «The Golden Calf» is revealed.

Key words: I. Ilf, E. Petrov, M. Volpin, play poetics, 'theater within the theater', literary play, language play, satire, satirical image, parody, vaudeville.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-94-101